

УДК 908:37.014.521 «18» (470.75)

Громова Наталья Фёдоровна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: gronafed@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ И ПРОБЛЕМА ВНЕДРЕНИЯ В НИХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме обучения русскому языку нерусскоязычного населения Таврической губернии (уездов Крымского полуострова) в XIX веке. На основе архивных материалов и опубликованных источников проанализированы способы и методы решения этого вопроса путем внедрения русского языка в традиционные национальные школы крымских татар, немцев, евреев, караимов, греков, армян. В статье рассмотрены этапы этого процесса, конкретные шаги, предпринятые центральными и местными властями, их особые подходы к решению языковой проблемы в разных группах национальных школ. Автором отмечены достигнутые в обучении русскому языку успехи, позволившие подключить к активной социально—экономической и культурной жизни значительную часть нерусскоязычных жителей края, а также допущенные при этом просчёты и нарушения их религиозные и национальные интересы.

Ключевые слова: Таврическая губерния, национальные школы, русский язык, образовательный процесс.

Natalya F. Gromova

PhD in Historical sciences,
Associate Professor of the Department of Russian History,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

FROM THE HISTORY OF THE DISTRIBUTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN NATIONAL SCHOOLS OF THE TAVRIC GOVERNMENT IN THE XIX CENTURY

Abstract. *The article is devoted to the problem of teaching the Russian language in the 19th century to non-Russian-speaking population of the Taurian province, including the Crimea. On the basis of archival materials and published sources, ways and methods*

of solving this problem through the introduction of the Russian language into traditional national schools of the Crimean Tatars, Germans, Jews, Karaites, Greeks, Armenians are analyzed. The article examines the stages of this process, the concrete steps taken by the central and local authorities, their specific approaches to solving the language problem in different groups of national schools. The author noted the successes achieved in the teaching of the Russian language, which allowed to connect a significant part of non-Russian-speaking inhabitants of the region to active socio—economic and cultural life, as well as mistakes and mistakes that violated their religious and national interests.

Key words: Taurian province, national schools, Russian language, educational process.

Для цитирования:

Громова, Н. Ф. Национальные школы Таврической губернии в XIX веке и проблема внедрения в них русского языка // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 108–119.

Крым исторически развивался как регион, населённый народами различных национальностей, религиозных конфессий, языковых групп. К моменту присоединения Крымского ханства к Российской империи, в состав которого кроме полуострова входила и территория Северной Таврии, здесь проживало около 140 тысяч человек, из которых 78,7% составляли крымские татары, 17,2% — греки и армяне, 2,1% — цыгане, 2,0% — евреи, караимы, крымчаки [13, с. 15, 19]. После создания в 1784 году Таврической области, преобразованной в губернию (1802 г.), началось её заселение не только переселенцами из внутренних районов России, но и иностранными колонистами: греками, болгарами, немцами, чехами [12, с. 27]. В итоге к началу XX века национально-религиозная структура населения Таврической губернии оказалась чрезвычайно пёстрой: здесь жили представители 34 наций и народностей, принадлежавшие к 10 разным религиям и религиозным течениям [9, с. 34]. Среди них, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, русские, украинцы и белорусы составляли около 61,0%, крымские татары — 21,0%, немцы — 6,0%, евреи — 4,8%, греки — 2,5%, караимы — 1,1%, армяне — 1,0% [8, с. 6].

Начавшиеся в Таврической губернии с конца XVIII века преобразования должны были охватить всё её население и способствовать скорейшему его подключению к решению общих для всего Российского государства задач экономического, социального, культурного развития. Это касалось и проблем народного образования. Однако, открывавшиеся в городах и уездах края начальные и средние школы, входившие в состав государственной образовательной системы и подчинявшиеся Министерству народного

просвещения Российской империи, были рассчитаны, главным образом, на русскоязычное население. Учебно-воспитательный процесс в них осуществлялся на русском языке, преподававшиеся дисциплины устанавливались государственными учебными Уставами [10, с. 384, 386]. В это же время у большинства нерусскоязычного населения губернии существовали свои традиционные школы, носившие национально-религиозный характер и предназначавшиеся для обучения детей основам вероисповедания и грамоте родного языка. Русский язык в этих школах не изучался, а другие способы овладения им были в начале XIX века весьма ограничены. Незнание русского языка существенно затрудняло интеграционные процессы в обществе, мешало значительной части населения губернии воспользоваться общероссийскими материальными и духовными ценностями и, в свою очередь, поделиться своими национальными достижениями.

Обращение в данной статье к вопросу о внедрении русского языка в национальные школы Таврической губернии в XIX веке, освещение путей и методов действия властей по его распространению через учебные заведения среди нерусскоязычного населения, поможет более глубоко и всесторонне осветить историю Крыма и особенности культурного развития его народов.

Традиционные национальные школы

Согласно шариату все *крымские татары* отдавали своих детей (и мальчиков, и девочек) в мектебы, где их обучали арабскому языку (в пределах чтения Корана), мусульманским обрядовым правилам, чтению и письму на крымскотатарском языке (девочек учили лишь чтению). Содержались мектебы за счёт благотворительности жителей городов и сёл, из отчислений местных татарских обществ и частных лиц, с вакуфных доходов [1, с. 12]. До присоединения Крыма к Российской империи такие традиционные школы-мектебы существовали в каждом татарском населённом пункте, но к началу XIX века их число сократилось из-за переселения части татар в Турцию [3, с. 249]. После окончания Крымской войны на полуострове осталось лишь 119 мектебов [4, д. 1024, л. 54–79]. Их восстановление наметилось к концу 1870-х годов, и в 1898 году в губернии насчитывалось уже 455 мектебов (305 общественных и 150 частных) [4, д. 2172, л. 133]. Кроме мектебов в Крыму действовали и высшие крымскотатарские религиозно-духовные школы — медресе, предназначавшиеся для юношей, желавших посвятить себя службе в мечетях, общественной деятельности, обучению детей. В медресе, которых в Крыму к концу XIX века действовало 45 [4, д. 2172, л. 133], можно было изучить богословие, арабский язык, математику, философию, законоведение.

Переселявшиеся в Таврическую губернию на протяжении XIX века *немцы* в зависимости от конфессиональной принадлежности (лютеране,

католики, меннониты) селились отдельными колониями. С 1800 по 1864 год в Таврической губернии возникла 161 колония [3, с. 161], а к концу столетия их было уже 246, из которых 124 — в Крыму [7, с. 351]. В Перекопском, Евпаторийском, Симферопольском и Феодосийском уездах проживало 30 027 немецких колонистов, в северных материковых уездах губернии (главным образом в Бердянском и Мелитопольском) — 48 278 [12, с. 41]. Неотъемлемым элементом немецких колоний являлись школы. Они были двух типов: во-первых, так называемые сельские школы, которые открывались даже в самых небольших немецких селениях и содержались за счёт местных жителей; во-вторых — приходские, находившиеся при лютеранских и католических церквях, принадлежавшие им и содержавшиеся за счёт прихожан нескольких колоний. Меннониты не строили специальных школьных зданий, а размещали их в своих молельных домах. В немецких школах детей в течение 7–8 лет учили основам своего вероисповедания, немецкому языку, арифметике, всеобщей географии, пению, большое внимание уделялось воспитанию в духе национальных и религиозных традиций и обычаев. Посещение школы считалось священной обязанностью для детей обоего пола, так как без сдачи экзамена по школьному курсу никто не допускался к конфирмации по достижению 15-летнего возраста [6, с. 60].

Были свои традиционные элементарные школы и у евреев, проживавших во всех городах и уездах Таврической губернии. Назывались они первоначальными хадаримами (хедерами), открывались при синагогах или отдельными лицами (меламедами) в частных домах. Еврейских мальчиков обучали в таких школах основам и правилам иудейского вероисповедания, письму и чтению на иврите. Число хадаримов постоянно росло: если в середине XIX века в губернии их насчитывалось немногим более двух десятков [4, д. 728, л. 48–49, 60, 66, 106, 128], то к концу века уже было более 120 [7, с. 351].

Строго следили за исполнением норм духовной жизни и национальных обычаев и крымские *караимы*, самые крупные общины которых находились в Симферопольском, Евпаторийском и Феодосийском уездах. Обязанность первоначального обучения детей в караимском обществе возлагалась на традиционные школы — медреше, которые создавались при кенассах или молельных домах и находились под управлением верховного Гахама. В этих школах, в соответствии с особенностями караимизма, мальчиков учили не только караимскому языку (схожему с крымскотатарским), но и древнееврейскому. Без знания последнего образование, в понимании караимов, не могло считаться удовлетворительным, так как на без знания древнееврейском языке были написаны религиозные караимские книги и велось богослужение в кенассах [4, д. 2041, л. 26, 40]. Больше всего караимских школ под управлением верховного Гахама находилось в Евпатории: в 1832

году — 5, в 1849 — 8 [4, д. 333, л. 208–211; д. 694, л. 72]. Всего в крымских уездах в конце 80-х годов насчитывалось 14 школ караимов [4, д. 1946, л. 80], но в последующие годы их число сократилось до 10 [4, д. 2041, л. 22].

Благодатная земля Тавриды ещё с древности была очагом колонизации армян, которые к началу XX века проживали в большинстве городов и уездов губернии. Имея единые этнические корни, армяне в то же время разнились вероисповеданием. Большая их часть была григорианцами, меньшая — католиками. Именно по этому конфессиональному признаку основывались и традиционные армянские школы, которые посещали и мальчики, и девочки. Общим для этих школ являлось обучение детей грамоте на родном языке. К концу XIX века в губернии действовало 7 армянских школ [4, д. 1975, л. 267]. Особое место в жизни армянского общества занимало Халибовское училище, открытое в Феодосии по инициативе архимандрита Гавриила Айвазовского в 1858 году [4, д. 1024, л. 106]. В училище принимались армянские юноши из разных городов и государств. После окончания обучения они несли родную речь, историю, религию, традиции своего народа соплеменникам, проживавшим не только в России, но и в других европейских и азиатских странах.

Несколько национальных школ работали при греческих православных церквях, в том числе три в Симферополе, по одной в Карасубазаре, Бахчисарае, Керчи, Евпатории и трёх селах Ялтинского уезда [4, д. 1723, л. 209]. Однако посещение этих школ детьми из греческих семей не было обязательным. Некоторые греки предпочитали отдавать своих сыновей и дочерей на обучение в государственные начальные учебные заведения — приходские и уездные училища.

Национальные школы были и у некоторых других народов Таврической губернии — чехов, эстонцев, поляков. В целом, как свидетельствуют материалы из Отчёта по управлению Таврической Дирекции народных училищ за 1888 год, к этому времени на неправославное население губернии, насчитывавшее немногим более 400 тысяч человек, приходилось более 800 национально-религиозных школ, или одна школа почти на 500 жителей. По мнению властей, такого количества национальных школ было вполне достаточно, тем более, что у православного русскоязычного населения губернии в это время одно государственное учебное заведение приходилось на 1 263 жителя [4, д. 1975, л. 270].

Организация обучения русскому языку в национальных и государственных школах на добровольных началах

Российские власти неоднозначно относились к национальным школам. С одной стороны, эти школы, значительно уступая русским учебным

заведениям в общеобразовательном подходе и не всегда соответствуя современным требованиям, тем не менее заботились о национально-религиозном и нравственном воспитании детей, брали на себя ответственность за их обучение грамоте на родном языке. С другой стороны, национальные школы не были включены в общероссийскую образовательную систему, не подчинялись Министерству просвещения и не принимали участия в реализации политики государственного образования. Особенно беспокоило российские власти отсутствие в национальных школах русского языка. Это приводило к тому, что значительная часть населения губернии, особенно в сёлах, русским языком не владела, а часть знала его лишь на бытовом уровне, ограничившись набором определённых русских слов и выражений посредством общения с русскоязычными соседями или наемными работниками. Овладение русским языком воспринималось многими членами общин как отступление от национальных и религиозных традиций, как шаг к потере своей идентичности. Среди крымских татар были распространены слухи, что научившихся говорить и писать по-русски сразу будут забирать в армию. Такое положение тормозило социально-экономическое развитие губернии, так как без знания государственного языка трудно было привлечь её жителей к общественной и культурной жизни.

Успешно разрешить языковую проблему можно было через школы. Однако до 70-х годов XIX века в государстве не существовало чёткого плана действий по этому вопросу. Мероприятия, предпринимавшиеся властями в первой половине века, носили, как правило, эпизодический характер и касались лишь некоторых национальных групп, в первую очередь, крымских татар и немецких колонистов. Так, мысль о распространении русского языка среди татар Крыма возникла в окружении императора Александра I, когда он в 1824 году путешествовал по Тавриде. Часть татар попросили тогда его о «доставлении им способов научиться русскому языку, чтобы узнать русские законы» [11, с. 84–85]. В результате при нескольких уездных и приходских училищах (симферопольском, бахчисарайском, карасубазарском) за счёт государственной казны были организованы русско-татарские классы с обучением на русском языке, куда принимали татарских и русских мальчиков [4, д. 23, л. 1]. А при Симферопольской мужской гимназии по содействию Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1827 году было открыто татарское училищное отделение, в котором планировалось готовить учителей из крымских татар для этих классов [4, д. 330, л. 1]. Однако при открытии таких классов не были учтены национальные интересы и религиозные потребности населения, что привело к постепенному сворачиванию их работы. А за 27 лет существования училищного отделения его закончило лишь 25 человек. Не увенчалась успехом и попытка ввести

добровольное изучение русского языка в качестве дополнительного предмета в бахчисарайских и карасубазарских медресе. Учащиеся игнорировали эти занятия, учителям приходилось работать в почти пустых классах. Лишь в одном бахчисарайском медресе Зинджерли до конца XIX века продолжал существовать русский класс [4, д. 2124, л. 28].

Подобная ситуация наблюдалась и в немецких колониях. За решение проблемы обучения русскому языку здесь с середины 60-х годов взялись земства. Так, в Бердянском уезде земства помогли открыть русские классы при четырёх немецких сельских школах, куда по желанию родителей зачислялись дети на четвёртый год их обучения. Но работа этих классов оказалась неэффективной, из 287 учащихся экзамен по русскому языку в конце срока обучения успешно смогли сдать лишь 19 [6, с. 61]. Главная причина неудач заключалась в незнании русского языка немецкими учителями. Русские же учителя не хотели работать в немецких школах, так как с трудом адаптировались к своеобразным условиям жизни в колониях и плохо владели немецким языком [4, д. 2049, л. 84]. Так, из 42 учителей в немецких школах Перекопского уезда лишь один был по национальности русским [4, д. 1924, л. 206–209].

Таким образом, попытки внедрить русский язык путём его добровольного изучения учащимися в традиционных национальных школах и через специальные классы при государственных учебных заведениях не увенчались успехом. Российские власти осознавали, что в традиционных национальных учебных заведениях, не подчиняющихся Министерству просвещения и находящихся в зависимости от национально-религиозных общин, у них нет достаточного авторитета и влияния, чтобы достичь желаемых результатов. Требовались другие подходы к решению языковой проблемы. И тогда были предприняты более решительные действия.

Создание министерских народных училищ для «инородцев»

В 1870 году было принято решение о создании для «инородцев» (так в Российской империи называли нехристианское население, в том числе крымских татар, евреев, караимов) начальных народных училищ с обязательным изучением русского языка. Предполагалось, что эти училища, включенные в государственную образовательную систему и находящиеся в ведении Министерства просвещения, постепенно заменят собой традиционные национально-религиозные школы: татарские мектебы, еврейские хадаримы, караимские медресе.

Уже в начале 70-х годов в Крыму появились 50 народных училищ для крымских татар [4, д. 1946, л. 62]. Преподавание всех предметов в них велось на русском языке и русскими учителями. Некоторые училища власти разместили

рядом с мектебами, а некоторые в таких глухих горных селах, где жители никогда не слышали русскую речь. Но самым неприемлемым для крымских татар было отсутствие во многих училищах обучения основам мусульманского вероучения. Лишь в 9 татарских народных училищах имелись вероучителя, которым местные татарские общества платили за работу небольшие вознаграждения. Поэтому крымские татары, считавшие, что главным занятием для детей в школе является обучение чтению Корана, мусульманским обрядам и правилам, настороженно отнеслись к открытию министерских учебных заведений и продолжали отдавать детей в мектебы. Министерские же училища оставались полупустыми. Например, в феодосийском училище по списку числились 17 учеников, а фактически посещали занятия лишь 4 [4, д. 1924, л. 18]; татарское училище села Таракташ, рассчитанное на 100 человек, посещали всего 11 мальчиков-татар [4, д. 1856, л. 17–18]. Чтобы оправдать затраченные на открытие училищ государственные и общественные средства, в них начали принимать и русских детей. Так, среди учеников училища в селе Сарабуз числились 10 татар и 23 русских [4, д. 1719, л. 30], в керченском — 7 татар и 23 русских [4, д. 1856, л. 16]. Таковую же картину можно было наблюдать и в других татарских народных начальных училищах. В результате нависла угроза превращения министерских татарских учебных заведений в обычные государственные школы для русскоязычного населения. Поэтому в марте 1885 года попечитель Одесского учебного округа вынес решение устранить русских детей из училищ для крымских татар и изъять из них российские учебники и православные книги, в первую очередь, «Жития святых», «Православный месяцеслов», «Граф Суворов» и др. [4, д. 1939, л. 171–172].

Передовая национальная интеллигенция Крыма ратовала за изменение правил обучения в министерских учебных заведениях для нерусскоязычного населения. Караимский поэт и просветитель, инспектор татарской учительской школы И. И. Казас предлагал, например, начинать обучение детей на крымскотатарском языке и постепенно переходить на русский по мере его усвоения учащимися. Этот вопрос поднимался и на посвящённом вопросам инородческих школ съезде народных учителей, проходившем в Ялте в 1905 году, и на губернском совещании заведующих народнообразовательных отделов уездных земств, рассматривавшем положение дел в татарских школах [2, с. 35]. Но, к сожалению, к подобным предложениям и начинаниям интеллигенции местные власти относились весьма скептически, в народных училищах продолжали игнорировать национально-религиозные интересы крымских татар. В итоге это привело к массовому закрытию министерских татарских училищ из-за отсутствия в них достаточного числа учеников. К концу XIX века в Крыму из 15-ти их осталось лишь 18: 9 в городах и 9 в селах [4, д. 2172, л. 92–93]. В начале XX века Министерство просвещения предприняло попытку

создания для крымских татар ещё и школ грамотности. Программа обучения в них была более сжатой по сравнению с министерскими училищами, их открытие обходилось казне гораздо дешевле. Для крымских татар школы грамотности оказались более привлекательными, чем училища, так как в них наряду с обучением русскому чтению и письму проводились ещё и занятия по основам мусульманского вероучения [4, д. 1939, л. 24].

В течение 70-х — 80-х годов в Таврической губернии были открыты также 5 начальных народных училищ для караимов, причём три из них для девочек, а одно — с ремесленным уклоном [4, д. 2172, л. 131–132]. В отличие от крымских татар караимские общины доброжелательно относились к вопросу обучения русскому языку в таких училищах и оказывали им большую поддержку: выделяли средства на ремонт помещений, приобретали отопление, письменные принадлежности, обувь и одежду для учащихся из бедных семей. Наибольшей известностью пользовалось караимское училище в Симферополе, почётным попечителем которого был Самуил Черкесс. По его инициативе во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были собраны деньги и построено при симферопольской кенассе новое училищное здание, в классах которого смогли разместиться дети из караимских семей, переселившиеся в столицу губернии из прибрежных городов. Однако и у караимов имелись нарекания к министерским училищам, так как в них отсутствовало преподавание древнееврейского языка и караимского вероучения, без которых образование считалось неполным [4, д. 2041, л. 40].

Что касается обучения русскому языку еврейского населения, то ещё в 1849 году российское правительство вынесло решение о создании в ведении Министерства просвещения «казённых еврейских училищ», в которых наряду с еврейским языком и национальным вероучением должны были преподаваться русский язык, арифметика и чистописание. Такие казённые еврейские училища были открыты в 1851 году в Симферополе, а в 1858 — в Керчи [5, д. 15, л. 10–11]. В 1873 году эти казённые училища были преобразованы в министерские народные училища с одновременным расширением в них учебной программы по русскому языку. Еврейская община Симферополя в 1890 году добилась создания при училище нескольких ремесленных классов, где мальчики, за время своего обучения, могли приобрести навыки столярного или слесарно-кузнечного ремесла и даже получить звание мастера или подмастерья [4, д. 2085, л. 94–95]. Кроме Симферополя и Керчи министерские училища для еврейских детей были открыты также в Севастополе и Каховке [4, д. 743, л. 15–16]. Одновременно с этим власти ужесточали условия для существования национальных школ — хадаримов. Так, в 1859 году вышло постановление Сената, которым устанавливалась новая процедура получения свидетельства на звание меламеда (учителя) для евреев, желавших открыть частный хадарим.

Для этого по новым требованиям необходимо было сдать в государственном учебном заведении специальный экзамен на знание грамоты, у местных раввинов проэкзаменоваться по основам национального вероучения, а у гражданского начальства получить справку о «хорошем поведении» [4, д. 861, л. 1]. Однако никакие трудности не могли остановить рост национальных еврейских школ, помогавших народу сохранять свою самобытность. Только в Симферополе в 1862 году функционировали 10 хадаримов [7, с. 351].

Внедрение русского языка в национальные школы «иноверцев»

Поэтапно в Таврической губернии решался вопрос обучения русскому языку «иноверцев» — христиан неправославного исповедания. Ещё в 1835 году решением российского правительства в подчинение Министерству просвещения передавались приходские школы при католических церквях у немцев и армян [4, д. 708, л. 9]. В этих школах сразу же вводилось преподавание русского языка.

С середины 70-х годов вопрос обучения русскому языку немецкого населения приобрёл особую актуальность, так как незнание языка становилось серьёзным препятствием к выполнению среди значительной массы населения империи государственного Закона 1875 года о всеобщей воинской повинности. Власти решили воспользоваться прецедентом 1835 года и применить принудительные меры ко всем жителям немецких колоний. Указом императора от 2 мая 1881 года все сельские школы в немецких поселениях меннонитов, лютеран, католиков с их имуществом, фондами и сборами передавались в непосредственное подчинение Дирекции училищ Таврической губернии [4, д. 1855, л. 1]. Специально созданные в уездах губернии комиссии во главе с учебными инспекторами занялись процедурой описания изымаемых немецких школ и оформлением документов об их передаче в ведение Министерства просвещения. Однако эти комиссии везде встречали серьёзное сопротивление колонистов. Многие немецкие учителя не желали признавать императорский указ, а жители колоний считали действия местных властей шагом к уничтожению немецкого языка и наступлением на их веру и традиции. Иногда дело доходило до силового противостояния. Это вынудило власти к снаряжению специальных вооруженных отрядов, которые должны были сопровождать комиссии в их поездках по колониям [4, д. 1855, л. 84]. Особенно активно защищали сельские школы от посягательств властей лютеранские священники, утверждавшие, что школы в колониях являются не общественной, а церковной собственностью и поэтому не должны подлежать передаче в государственную систему. Но этим протестам был положен конец указом от 22 ноября 1890 года о переходе к Министерству просвещения также немецких приходских школ при лютеранских церквях. За священниками

сохранялось лишь право наблюдения за организацией в школах религиозного обучения.

Передача всех немецких школ в ведение Министерства просвещения и включение их тем самым в государственную систему образования являлось важным шагом в комплексе разработанных властями мер. Следующий шаг должен был поставить точку в вопросе распространения русского языка среди немецкого населения путём его внедрения в школьный образовательный процесс. Суть принятых для этого мер сводилась к следующему:

1) изучение русского языка начиналось с первого класса и продолжалось на протяжении всего курса обучения. В учебных планах на его изучение отводилось больше всего времени (от 6 до 12 часов в неделю) [6, с. 62];

2) языком преподавания всех дисциплин объявлялся русский язык. Немецкому языку предлагалось придать значение вспомогательного предмета, необходимого для изучения основ вероисповедания [4, д. 2049, л. 89, 247];

3) в качестве обязательных предметов в курс обучения включались российская история и российская география, «...чтобы дети лучше знали своё Отечество, где они до сих пор были как пришельцы, и чтобы они со школьной скамьи учились любить и уважать его не как второе после первого, но как единственное навсегда» [4, д. 2049, л. 84];

4) во избежание уклонений детей от изучения русского языка, для их родителей была разработана система наказаний, предусматривавшая взывание пени и привлечение к штрафным работам за каждый пропущенный их ребёнком урок [4, д. 1855, л. 154, 182];

5) право преподавания в немецких школах предоставлялось лишь учителям, знавшим русский язык и подтвердившим это на специальных экзаменах. С этой целью для учителей немецких школ открывались в ряде учебных заведений курсы по усовершенствованию русского языка [4, д. 2049, л. 87].

Претворение в жизнь указанных мер началось сразу после их принятия. В результате многие учителя, проработавшие в немецких школах долгие годы, но не сумевшие пройти испытание на знание русского языка, были уволены. В самом конце XIX века подобным образом был решён и вопрос изучения русского языка детьми армян-григорианцев. В 1898 году все армяно-григорианские школы были переданы в ведение Министерства просвещения и русский язык стал в них обязательной для изучения дисциплиной [4, д. 2172, л. 131–133].

Заключение

Вопрос организации обучения русскому языку в национальных школах Таврической губернии, включая Крым, к началу XX века был в основном решён. Но нередко действия властей носили принудительный характер и предусматривали насильственные меры. Однако проделанная работа принесла в итоге положительные результаты: знание русского языка позволило

подключить к активному решению социально-экономических проблем края значительные массы населения и тем самым ускорить хозяйственное и культурное развитие региона. В то же время знание русского языка создало условия для внесения многовековых достижений различных народов Таврической губернии в общую культуру Российского государства.

Источники и литература

1. Андреевский, Ф. Н. Мусульманский мектебе и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове. Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1908. 39 с.
2. Андреевский, Ф. Н. Неотложные вопросы образования крымских татар. Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1908. 43 с.
3. Бойко, Я. В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы: Сіяч, 1993. 256 с.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 100 (Дирекция училищ Таврической губернии). Оп. 1, дд. 23, 330, 333, 694, 708, 728, 743, 861, 1024, 1719, 1723, 1855, 1856, 1924, 1939, 1946, 1975, 2041, 2049, 2124, 2172.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 440 (Керченская Александровская мужская гимназия). Оп. 2, д. 15.
6. Громова, Н. Ф. Из истории решения языковой проблемы в немецких колониях Таврической губернии в XIX в. // VI Таврические научные чтения: сб. науч. статей. Симферополь: Еврострой, 2006. С. 59–63.
7. Громова, Н. Ф. Образование и наука в Крыму (конец XVIII—начало XXI в.) // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия: Коктебель, 2010. С. 343–370.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 кн. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Кн. 41 : Таврическая губерния. СПб.: Изд-е Централ. статистич. комитета Мин. внутр. дел, 1904. 310 с.
9. Полухина, О. Население Крыма в 1783–1917 гг. // Украинский исторический журнал. 1988. № 9. С. 27–35.
10. Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.
11. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1869. 522 с.
12. Секиринский, С. А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII – нач. XX века) // Вестник: Информационно-методический бюллетень. 1990. Вып. 3. С. 19–45.
13. Скальковский, А. А. Занятие Крыма в 1783 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXX. Отд. 2 : Словесность, науки и художества. С. 1–44. ~